

ГЛАВА 1

Такси из аэропорта, дребезжа, преодолевало недолгий — всего девять километров — путь до Бейрута. Дорога шла вдоль берега, и Далия Айад, отрывавшая взгляда от моря, видела, как в густеющей тьме белая пена прибоя утрачивает белизну по мере того, как угасают последние отблески света. Она думала об американце; знала — придется отвечать на множество вопросов о нем.

Такси свернуло на рю Верден и теперь пробиралось сквозь лабиринт улиц и переулков к центру города, в район Сабра, ставший в последнее время обиталищем множества палестинских беженцев. Водитель не ждал указаний. Он взглянул в зеркало заднего вида, осматривая улицу, затем выключил габариты и свернул в крохотный дворик чуть в стороне от рю эль-Нахель. Здесь было совершенно темно — ни огонька. Далия слышала отдаленный шум машин и стрекотанье остывающего мотора такси. Прошла минута.

Машину тряхнуло, когда сразу, рывком, распахнулись все четыре двери. Луч мощного фонаря ослепил водителя. Далия, на заднем сиденье, явственно ощутила запах ружейного масла: прямо в лицо ей уставилось дуло револьвера.

Человек с фонарем подошел к задней двери машины, и револьвер исчез.

— Джинни, — тихо сказала она.

— Выходи и следуй за мной, — ответил он по-арабски с сильным горским акцентом.

В тихой бейрутской квартире Далию ждали люди: суровые лица, напряженные позы, прямо военный трибунал. Хафез Наджир, возглавляющий элитное подразделение Джихаз аль-Расд полевой разведки «Аль-Фатаха», сидел за письменным столом, опершись затылком о стену. Это был высокий человек с не по росту маленькой головой. Подчиненные прозвали его Жук-Богомол, делая все возможное, однако, чтобы прозвище не дошло до его ушей. Если вы попадали в зону его пристального внимания, вас охватывал непреодолимый, лишающий сил страх.

Наджир — командир «Черного сентября», и «ближневосточное урегулирование» для него — пустой звук. Возвращение Палестины арабам тоже не вызвало бы в его душе восторга. Холокост¹, мировой пожар, все разрушающий очистительный огонь — в это он верил, к этому стремился. Как и Далия Айд.

Другие двое стремились к тому же: Абу Али, командующий подразделениями боевиков в Италии и Франции, и Мухаммад Фазиль, эксперт-подрывник, автор и разработчик диверсионного акта, совершенного в Олимпийской деревне в Мюнхене². Оба были членами РАСД и вместе с Наджиром составляли

---

¹ Холокост (*англ.* holocaust) — разрушительная война, уничтожение людей огнем. При употреблении с прописной буквы этот термин приобретает значение массового уничтожения евреев и других «неарийских» этнических групп (напр., цыган, славян и т. п.) при нацистском режиме и особенно во время Второй мировой войны.

² Во время Олимпийских игр 1972 г. в Мюнхене арабскими террористами были убиты 2 израильских спортсмена и еще 9 членов израильской команды были взяты в заложники. Все девятеро погибли во время перестрелки между террористами и полицейскими.

мозговой центр организации «Черный сентябрь». Ни сами они, ни роль, которую они играют, широко не известны, не осознаются участниками Палестинского движения сопротивления: ведь «Черный сентябрь» присущ «Аль-Фатаху», как присуща страсть всякой плоти.

Именно эти трое решили, что следующий удар «Черный сентябрь» должен нанести в Соединенных Штатах. Составили более пятидесяти планов: все они были забракованы. А тем временем американская боевая техника прибывала и прибывала в Израиль через доки Хайфы.

И вдруг пришло решение. Теперь слово было за Наджиром: если он даст плану свое «добро», осуществление операции ляжет на плечи этой молодой женщины.

Она швырнула джеллабу¹ на стул и повернулась к мужчинам лицом.

— Здравствуйте, товарищи.

— Приветствуем тебя, товарищ Даля, — произнес Наджир.

Он не поднялся со стула, когда она вошла. Двое других тоже не двинулись с места. За год, что она провела в Штатах, внешность ее изменилась. Брючный костюм сидел на молодой женщине прекрасно, придавая ей непривычный здесь шик. Это их несколько обескураживало.

— Американец готов действовать, — сказала она. — Не сомневаюсь, что он выполнит все как надо. Он только этим и живет.

---

¹ Д ж е л л а б а (*арабск.*) — мужская одежда, свободный шерстяной плащ с капюшоном.

— Устойчив ли он психически? — Кажется, Наджир впивается взглядом прямо ей в мозг.

— Вполне устойчив. Я — его опора. Он знает, что может на меня положиться и целиком от меня зависит.

— Это я понял из твоих докладных. Но шифр не способствует ясности. Есть вопросы, Али?

Абу Али внимательно вглядывался в Далию. Она знала его давно, помнила его лекции по психологии в Американском университете в Бейруте.

— Ты полагаешь, американец всегда мыслит рационально? — спросил он.

— Да.

— И все-таки ты считаешь, что он невменяем?

— Вменяемость и видимая рациональность — не одно и то же, товарищ.

— Его зависимость от тебя возрастает? Не бывает ли у него периодов, когда он испытывает к тебе враждебность?

— Иногда он враждебен, но теперь это случается все реже.

— Он импотент?

— Он говорит, что вернулся из Северного Вьетнама импотентом. Уже два месяца, как он пришел в норму.

Далия не сводила с Али взгляда. Своими аккуратными, хорошо рассчитанными жестами и блестящими глазами он напоминал ей куницу.

— Ты полагаешь, это твоя заслуга, что он больше не импотент?

— Важно не то, чья это заслуга, товарищ. Важно контролировать его поведение. В данном случае мое *тело* — орудие контроля. Если бы *оружие* оказалось

здесь более эффективным, я использовала бы оружие.

Наджир одобрительно кивнул. Он знал — Далия говорит правду. Она как-то помогала подготовить трех японских террористов к акции в аэропорту Лод, в Тель-Авиве. Там они убивали всех без разбора. Поначалу японцев было четверо. Один из них сдал во время подготовки — нервы не выдержали, — и Далия на глазах у его товарищей разнесла ему череп очередь из пистолета-пулемета.

— Почему ты так уверена, что им не овладеют вдруг угрызения совести и он не выдаст тебя американцам? — не успокаивался Али.

— А если и так — что они выиграют? — спокойно возразила ему Далия. — Я мелкая сошка. Ну захватят они взрывчатку. Но ведь у них пластиковой взрывчатки и так хватает — нам ли этого не знать?

Это было рассчитано на Наджира и попало в цель: Далия заметила, как он бросил на нее быстрый взгляд.

Израильские террористы практически постоянно пользовались американской пластиковой взрывчаткой типа С-4. Наджир никогда не забывал, как вынес из взорванной квартиры в Бхандуне тело своего брата, а потом вернулся, чтобы отыскать среди развалин его ноги.

— Американец пришел к нам потому, что ему нужна взрывчатка. Вы это знаете, товарищ, — продолжала Далия. — Я тоже нужна ему, по разным причинам. Наши цели не идут вразрез с его политическими убеждениями: у него нет политических убеждений. Понятия «совесть» для него тоже не существует — в принятом значении этого слова. Он никогда меня не выдаст.

— Давайте взглянем на него еще раз, — предложил Наджир. — Товарищ Далия, ты изучала этого человека в определенной обстановке. Я хочу показать его тебе в совершенно иных обстоятельствах. Али?

Абу Али поставил на стол шестнадцатимиллиметровый кинопроектор и выключил свет.

— Мы совсем недавно получили этот материал из надежного источника в Северном Вьетнаме, товарищ Далия. Фильм показали по американскому телевидению, но это было еще до того, как тебя приняли в Дом Войны. Вряд ли ты могла его видеть.

На стене замелькали размытые цифры — пошел начальный ракорд, послышались нестройные звуки какой-то музыки. Затем лента пошла быстрее, музыка обрела строй — зазвучал гимн Демократической Республики Вьетнам. Яркое пятно света на стене обрело очертания: стала видна беленая комната. В комнате, на полу, — американские военнопленные, десятка два. Затем в кадре — трибуна с прикрепленным к ней микрофоном. Высокий изможденный человек медленно подходит к трибуне. На нем — висящая мешком арестантская роба, такая же, как у сидящих на полу, носки и плетеные сандалии. Одна рука прячется в складках куртки, другая плотно прижата к бедру. Он кланяется вьетнамским военным чинам — они на переднем плане. Потом встает перед микрофоном и начинает говорить.

— Я — Майкл Дж. Ландер, — очень медленно произносит он. — Командор ВМС США, взят в плен 10 февраля 1967 года, после того как сбросил зажигательные бомбы на больницу для гражданских лиц близ Нин Бина... близ Нин Бина. Несмотря на то что я являюсь военным преступником и доказательства

моих преступлений неопровержимы, Демократическая Республика Вьетнам не прибегла к наказанию меня, но продемонстрировала страдания, явившиеся результатом американских военных преступлений, совершенных мной и другими... и другими. Я раскаиваюсь в том, что совершил. Я раскаиваюсь, что мы убивали детей. Я призываю американский народ покончить с этой войной. Демократическая Республика Вьетнам не питает вражды... не питает вражды к американскому народу. Только к поджигателям войны, которые у власти. Мне стыдно за то, что я совершил.

В кадре — военнопленные, сидящие смирно, словно старательные ученики. Их лица совершенно лишены выражения. Фильм заканчивается. Снова звучит гимн.

— Топорная работа, — произнес Али по-английски. — Руку они ему, видимо, привязали.

Английский его почти безупречен.

Пока шел фильм, Али внимательно следил за Далией. Лишь на секунду расширились ее зрачки, когда в кадре крупным планом возникло изможденное лицо Ландера. Все остальное время она оставалась совершенно бесстрастной.

— Бомбил зажигалками больницу... — задумчиво продолжал Али. — Значит, опыт в таких вещах у него есть.

— Он летал на спасательном вертолете. Его захватили, когда он пытался взять на борт экипаж подбитого «Фантома», — возразила Далия. — Вы же все читали мои докладные.

— Я читал то, что он тебе рассказал, — ответил Наджир.

— Мне он говорит правду. Он не умеет лгать. Я прожила с ним два месяца. Я знаю.

— Ну, во всяком случае, большого значения это не имеет, — заявил Али. — Есть масса других его особенностей, которые нас интересуют.

И более получаса Али расспрашивал ее о самых интимных деталях поведения американца. Когда расспросы закончились, Далии показалось, она слышит знакомый запах. Возник ли он в этой комнате на самом деле или просто работало воображение, но Далия мысленно перенеслась в лагерь палестинских беженцев в Тире. Она увидела себя восьмилетней девчушкой, собирающей в узел влажное тряпье с постели, на которой ее мать и мужчина, приносивший им еду, вздыхали и стонали всю ночь.

Затем за расспросы принялся Фазиль. У него были сильные, ловкие руки техника, кожа на кончиках пальцев загрубела. Он наклонился вперед, не вставая со стула; набитая сумка лежала у его ног.

— Твой американец когда-нибудь имел дело со взрывчаткой?

— Только со стандартными боеприпасами. Но он все тщательно спланировал и рассчитал до мельчайших деталей. План его представляется мне вполне разумным, — ответила Далия.

— Он представляется разумным тебе, товарищ. Возможно, оттого, что ты с такой *страстью* включилась во все это. Мы сами разберемся, так ли уж он разумен.

Если бы только американец был здесь! Жалко, что эти люди не могут сейчас услышать его голос, его размеренную речь; послушать, как постепенно, деталь за деталью, раскладывает он по полочкам свой ужа-

сающий проект и тот оказывается всего лишь серией задач, каждая из которых имеет свое решение.

Она набрала в легкие побольше воздуха и принялась за разъяснение технических деталей проекта, цель которого — уничтожить 80 тысяч человек: всех сразу, вместе с недавно избранным президентом и на глазах у всего населения страны.

— Главная проблема — вес, — говорила Далия. — Мы вынуждены ограничиться шестьюстами килограммами пластиковой взрывчатки. Дайте мне, пожалуйста, сигарету, ручку и лист бумаги.

Склонившись над столом, она изобразила на бумаге дугу, напоминающую пологую чашу в разрезе. Внутри дуги, несколько выше, провела еще одну, поменьше, но совпадающую по параметрам.

— Это цель, — сказала она, указывая на первую кривую. Затем провела ручкой вдоль второй линии: — Принцип создания бомбы определенной формы...

— Ясно, ясно, — резко прервал ее Фазиль. — Как мина «Клеймор». Это элементарно. А плотность толпы?

— Обычно сидят плечо к плечу, один ряд выше другого, так что угол поражения большой — от бедер и выше. Теперь насчет взрывчатки: мне нужно знать...

— Товарищ Наджир скажет тебе все, что тебе нужно знать, — начальственным тоном заявил Фазиль.

Но Далия продолжила как ни в чем не бывало:

— Мне нужно знать, какую именно взрывчатку собирается выделить мне товарищ Наджир. Если это противопехотные пластиковые мины типа «Клеймор», начиненные стальной шрапнелью, они нам не годятся. Проблема веса заставляет нас использовать

пластиковую взрывчатку в чистом виде. Корпуса мин и шрапнель этого типа нам не подходят.

— Почему?

— Из-за веса, разумеется. — Фазиль ей до смерти надоел.

— Как это — без шрапнели? Что же тогда, товарищ? Если вы рассчитываете исключительно на силу взрыва, то позволь сообщить тебе, что...

— Нет уж, позволь мне кое-что сообщить тебе, товарищ. Мне нужна ваша помощь, и я ее приму. Но я не просила об экспертизе. Мы ведь тут не друг с другом боремся: Революция — наше общее дело, и зависти здесь нет места.

— Сообщи ей то, что она хочет знать. — В голосе Наджира звучали жесткие нотки.

Фазиль поспешил объяснить:

— Это пластиковая взрывчатка, без шрапнели. Как вы собираетесь ее использовать?

— Корпус бомбы снаружи будет в несколько слоев усажен винтовочными шипами калибра 4,49¹. Американец полагает, что вертикальный разброс достигнет 150 градусов при горизонтальной зоне поражения в 360. При этом в зоне поражения на каждого присутствующего придется в среднем по 3,5 снаряда.

Фазиль смотрел на нее во все глаза. Ему приходилось видеть, как действует американская мина «Клеймор» величиной всего-то со школьный учебник: взрывом пробило кровавую брешь в колонне

---

¹ Винтовочные шипы — поражающие элементы, которыми снаряжаются винтовочные патроны. Имеют форму утолщенной к тупому концу иглы, используются для расширения зоны поражения.

атакующих солдат и словно косой выкосило траву вокруг. То, что предлагала эта женщина, было бы равно действию тысячи таких мин, взорванных одновременно.

— А взрыватель?

— Электрический, на 12 вольт, питание от бортовой сети. Резервное питание — от запасного аккумулятора; и еще — бикфордов шнур.

— Все, — произнес подрывник. — Вопросов больше нет.

Далия подняла на него глаза. Он улыбался. Трудно было понять — потому ли, что был удовлетворен, или оттого, что боялся Хафеза Наджира. Интересно, подумала она, знает ли он, что нижняя дуга — это стадион «Тьюлейн», где двенадцатого января будет сыграна первая часть — двадцать одна минута — матча на Суперкубок?¹

Целый час пришлось Далии прождать в другой комнате, дальше по коридору. Когда ее снова провели в кабинет Наджира, командир «Черного сентября» был там один. Сейчас она узнает, что они решили.

В комнате было темно. Горела лишь настольная лампа. За письменным столом Наджир, прислонившийся спиной к стене, был погружен в тень — словно плащом окутан. Лампа высвечивала лишь кисти его рук: пальцы ощупывали и поворачивали из стороны в сторону черный десантный штык. Он заговорил, и голос его был тих и вкрадчив:

---

¹ Матч на Суперкубок — финальный матч на первенство США по американскому футболу.